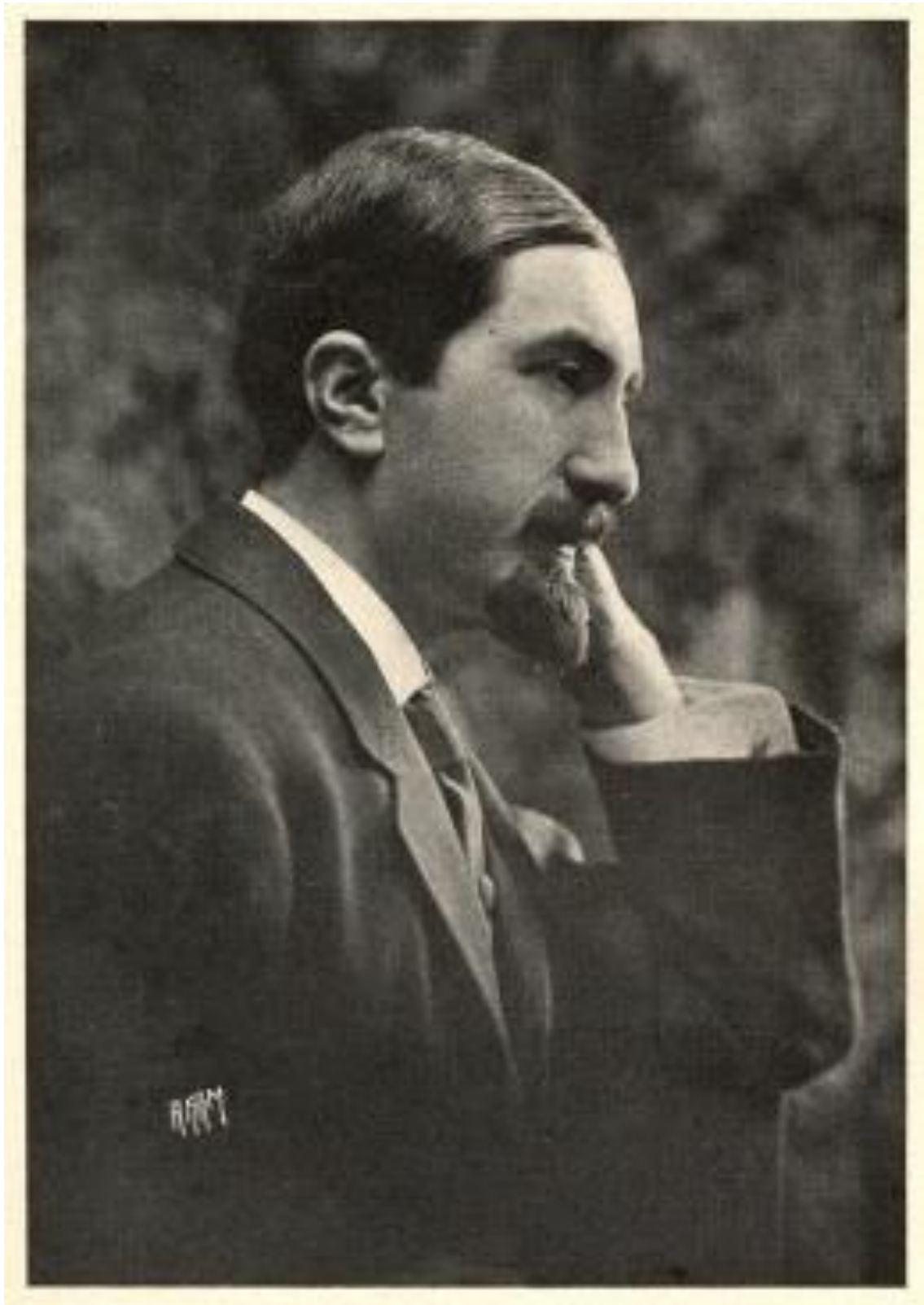

АТОМ ЯРДЖАНЫН (СИАМАНТО)

ИЗБРАННОЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Атом Ярджанян родился 15 августа 1878 года в городе Акн (Западная Армения) в семье торговца. В 1891 году переехал в Константинополь, где учился в местных семинариях. В местной школе Нерсисян учителем Атома был известный фольклорист Гарегин Срвандцян, который называл своего ученика именем героя народного любовного романа «Сиаманто и Хаджезаре». Впоследствии имя Сиаманто становится псевдонимом поэта. В 1896 году Ярджанян уехал в Египет, спустя год — в Женеву, учился в Женевском колледже, затем — в Париже, в Сорбонне. В 1908 году вернулся в Константинополь. Некоторое время жил в США (Бостоне), побывал на Кавказе. В начале первой мировой войны Ярджанян находился в Константинополе. 24 апреля 1915 года по приказу турецких властей он был арестован, а в августе того же года по дороге убит.

Атом Ярджанян начал писать с 1891 года. С 1898 года стихотворения поэта печатались в армянской периодике, издаваемой в Лондоне, Париже, Женеве, Александрии, Петербурге и других городах, а в 1902 году в Париже вышел в свет его первый поэтический сборник — «Богатырское». В последующие годы изданы его сборники «Сыны отечества» (1905—1908, Женева — Париж), «Факелы агонии и надежды» (Париж, 1907), «Кровавые вести от друга» (Константинополь, 1909), «Зов родины» (Бостон, 1910), «Сочинения» (Бостон, 1910) и поэма «Святой Месроп» (Константинополь, 1913). Многие стихотворения Атома Ярджаняна еще при жизни поэта были переведены на ряд европейских языков. Основные издания на армянском языке: Поли. собр. соч., Бостон, 1910; Сочинения, Ереван, 1979; на русском языке: Поэзия Армении.... М.. 1916; Из западноармянской поэзии, Ереван, 1979.

ГОЛОС ЗЕМЛИ

О спутники мои среди вражды и скорби, кто мне из вас
поведает,

Что за ужас нынче вечером, подобно пламенному мечу,
Поразит руины города, стоящего на муках и надеждах?

О, что за ужас, спутники мои среди вражды и скорби?

И в ответ мне голос звучит.

Это голос вечно непокорной земли,

Он плывет снизу вверх, к бесстрастным хрустальным
сферам.

Это набат смерти, мести и мятежа, зовущий к великим
сражениям...

Слушайте мрачное эхо ее мольбы и призыва:

О, бездомные дети мои, лишённые крова и хлеба!

Я— ваша древняя, сирая, вечно родящая мать!

Нынче во чреве несу я ненависть, плач и гибель.

Вот вам слово мое, кровавое слово, отчаянный крик
о мести.

Если вы хотите, чтобы древний народ ваш вконец
не сгинул,

Если вы хотите, чтобы страна еще раз не встала на дыбы,

Если вы хотите, чтобы чрево мое порождало героев
свободы,

Если вы хотите, чтобы реки мои в страхе не покидали
берегов, переполненных трупами,

Если вы хотите, чтобы звезды мои горели и цвели мои
холмы,

Если вы хотите, чтобы, словно мечты, сверкали мои
родники,

Если вы хотите, чтобы мои благодатные поля
волновались морем злаков,

Если вы хотите, чтобы своим молоком я поила ваши
плодовые сады.

Если вы хотите, чтобы для вас восходила заря вслед
зарю и солнце вслед солнцу,

Если вы хотите, чтобы смрад смерти не задушил мои
долины,

Если вы хотите, чтобы вдовье лицо мое хотя бы по утрам
улыбалось расцвету новых поколений,

Если вы хотите, чтобы статуя Мира крепко стояла на
ваших кровлях,

Если вы хотите, чтобы кровь ваших близких не текла по
камню моих дорог,

Если вы хотите, чтобы Ненависть ваша насытилась
отмщением,

Если вы хотите, чтобы правила миром Справедливость
из столицы, что вы ей воздвигнете,

Если вы хотите, чтобы восстали из руин Айкашен и
и Армавир, Тигранакерт и Арташат,

Если вы хотите, чтобы души ваши крепили, а взоры стали
светлы,

Если вы хотите, чтобы муки срама вашего не рыли вам
могил у вас на глазах, —

Поспешите ко мне неистово, поспешите все до единого,

Преградите путь железным ветрам лесом подъятых рук

мятежа,
Подставьте грудь волне битвы,
Кликните свирепый клич Ненависти,
Клич надежды, клич ободренья, клич Победы,
Клич, завещанный вам для роковых, смертельных битв!
И пусть он гремит, неукротимый, как гром,
Пусть несется от поля к полю, от города к городу,
от сердца к сердцу!
И тогда — я верю — после решающего боя
Памятник великой Победы будет воздвигнут
Вашими грозными дланями на костях врагов...
Пусть негодующие души ваши исходят криком о помощи,
Пусть разбросанные горстки сыновей моих, армян,
Сплотятся, побратаются, присягнут мстить
Словами, несущими смерть,
Пусть руки ваши станут как молнии,
Пусть обезумеют умы от понесенных жертв и пламенных
надежд,
Пусть засверкают обнаженные мечи
От искр, летящих из-под конских копыт,
Пусть ваши факелы светят, как тысяча солнц,
С одного поля битвы — другому, с одной вершины —
другой!
Скачите на помощь, скачите на помощь, о, скачите
на помощь,
На помощь моим сынам, спасайте землю Зари!..
Чтобы души ваши возмужали, а надежды ваши
воплотились,

Чтобы Ненависть ветвилась в ваших сердцах,
Чтобы воля ваша бурно восстала и помыслы ваши
сбылись,
Чтобы смерть не вонзалась кинжалами в очи, разя
ваш мозг,
Чтобы грудь ваша стала медной, а руки — стальными, —
Взгляните хоть раз на вереницы моих детей,
На поспешное их бегство по горным теснинам,
На тела, изуродованные недавним преступленьем,
На сиротские души, обиженные и всеми на свете
покинутые!
Повстречайте взгляд настигаемых смертью,
Услышите их вопль, их мольбу, их молитвы и причитанья!
Это к вам они взывают, это на вас они глядят,
На всех вас, обокраденные, изгнанные, разлетевшиеся
по свету,
Это от вас ждут опоры и свежей крови в жилах!
Сколько жизней, мечась от надежды к отчаянью,
)Ждет вас братски и праведно!..
И я зову вас: «Спешите!», ибо все эти жизни погибнут,
Все мужья овдовеют, все вдовы будут зарезаны,
Все младенцы захлебнутся кровью в пеленках
И остановится их взгляд, изумившись не жизни,
а смерти!
Даже трупы в могильных саванах
Будут вытасканы из могил и порубаны!
Плодоносные сады и колосющиеся нивы —
Всё превратится в пепел!..

Спешите! Всё христианство падет со своими соборами,
Город рухнет на город, село — на село,
А поверх рассыплется плотины, башни и крепости...
Спешите, о бесстрашные дети зари возмездия,
К вашей милой земле! Встречному ветру боев
Подставьте щиты и пики, гремите оружием,
Спешите, как буря, как долгожданный потоп,
Плеснитесь на отроги моих каменных ребер!..
О колеблющиеся, о нестойкие! Я встану за вас,
Если вы исполнитесь ненависти и жажды мести!
Только тогда святая, богом данная Любовь к Жизни
Оживет в моей бескрайней материнской груди.
Ибо сейчас реки пенящейся крови
Глубоко прорезали семь моих темных слоев
И размыли беспощадно сам гранит моей твердыни,
Ибо сейчас под лязг и стук в меня врезают равнодушно
Бесконечные ряды полуотверстых могил!
Только я принимаю вопли поверженных наземь беглецов,
Только я знаю предсмертную муку
Молящих о свете живом,
Только я принимаю хрип умирающих под ножами!
Только я знаю о тоске отрываемых друг от друга,
О вое вдов, на глазах которых детям пробивают головы,
Только я знаю, как жутко хрупают под сапогами кости,
Как стучат отрубленные головы,
Падая мне на лик с высоты плах.
Только я знаю, каких сил мне стоит превратить горы
скелетов,

Что давят мне на грудь, в корни буйных лесов,
Только я знаю, с каких пор, с каких пор на это я
обречена.
К тем, кто сражается, обращаю я благую весть!
О вы, кто крепко обнял мое тело, кто прилепился к душе!
О вы, неизменные, верные, безупречные мои сыновья!
Вы, муки мои разделившие, кровь за меня проливающие!
Вы, не бежавшие прочь в гнусном поту трусости! —
К вам обращаюсь я! Мужайтесь! Будьте стойки!
Ибо все ваши братья раскаялись в своем малодушии,
Ибо идут они, закаленные Ненавистью, горящие
Любовью,
И в трепещущем свете пожаров их железные руки ищут
ваших рук!»

1902

КАВКАЗ

Моим друзьям с Кавказа
Какое прекрасное время, какой свирепый удар
по кандалам,
Какой удивительный натиск, какая победа надежды
и веры,
Какая зазубрина на косных законах тиранства,
Какой потоп крови в стане злобного и подлого врага,
Какая гора справедливости из трупов и раненых
Перед нашими глазами, тоскующими по мести!..
Кавказ! Это ты, торжествуя, открыл нам великую правду.

Это в твоих руках пробудилась крушащая сила Народа,
Это от твоей мысли родилось красное солнце
долгожданной Победы,
Это с твоей кровью сочеталась кровь желанного
Восстания!
И однажды вечером руки твои устремили штыки
к звезде Свободы,
Чтобы вырвать у враждебного неба
Просвет в тучах, глоток жизни, права на мечту и любовь
Для неугомонных твоих сыновей, для страдающих
братьев твоих, на тебя возложивших надежду.
О, слава тебе! Слава грозной гордости твоих гор!
Словно из этих вековечных скал
Вытесаны твои непобедимые черноокие дети со жгучими
взорами.
Ночные ветры в твоих лесах
Вдохнули свой мощный порыв в их широкие груди.
Твои долины под их стопами зеленеют, как тропы
Надежды,
Их голосами твои ветра возвещают о часе спасенья.
В твоём лоне, под твоим сердцем, под твоим солнцем
Мужает храбрейшая ветвь нашего древнего Народа.
Это там озарение пало на лбы наших сумрачных мыслей,
Это там засверкал справедливейший из боевых Мечей,
Это там потребовал народ своих прав, подняв кулаки,
Это там он не плачет, не гнется до земли, не стоит
на коленях,
Это там он гордо принимает удар и наносит удар

в ответ,
Это там он поднимает светоч глашатая справедливости
Перед странами Запада,
Это там он проклял венценосцев и плюнул на них
с омерзением,
Это там была повержена Несправедливость,
И это там наконец твои сыновья своими руками
Воздвигнут навеки тебе мраморный памятник Славы..
Бей врага, Кавказ! На тебя глядят заплаканные очи
опустошенной Армении,
Ненависть твоих врагов — это ненависть ее врагов.
Когда злые ветра покрыли твои тропы пеплом
ее пожарищ,
Когда ее кровь хлынула на твой братский порог,
Когда ее изувеченные руки потянулись к тебе
за подмогой —
Враг у нее был тот же, что и у тебя.
Он боится твоей руки, он хотел бы ее отвести,
он хотел бы поприздравать на могиле нашего Народа!
Так бей же врага, Кавказ, хоть я знаю,
Что недостойн враг даже касанья твоей рыцарской руки!
Я знаю — честь меча опорочить способна поганая
кровь недоумков,
Я знаю — герой должен биться только с героем.
Но бей, чтобы Зло замолчало, чтобы распались
позорные цепи Судьбы!
Бей! К тебе взывает грядущее каждого, тобой живет
надежда каждого из нас!

Бей! Ибо Свобода каждого и Солнце каждого родятся
от искр, полыхнувших под твоим ударом!
Бей! И да будет сила твоя измерена жаром твоей любви
и глубиной твоей ненависти!
Бей, бей! Расколется мрачный край небес,
и утро хлынет сквозь трещины!
Бей! И гром твоих ударов возвестит свободу от Масиса
до Тавроса в глубоких долинах Отчизны.

1905

ОБРЕЧЕННЫМ НА СИРОТСТВО

Ужас у вас за плечами! Вы родились в золе и первые
шаги делали среди руин.
Когда порубанная саблями Отчизна захлебывалась
кровью,
Лютый закон природы бросил вас в когти человечества,
И потому для вас красный цвет — это цвет крови родных,
а не цвет солнца и жизни.
Вместо цветов и улыбок ваш невинный взор увидел ужас,
Над вашими колыбелями стоял дикий крик о пощаде,
Предсмертные корчи, вопль, плач, хрип,
Перед вашими чистыми детскими глазами
Ключья волос мешались с потоком слез среди
отрубленных голов...
Под ударами острых топоров ночных налетов
На порогах ваших отчих домов хрустели кости,
Ветры несли вам из горьких городов смрад горящих
трупов.
Вы в те дни ничего не поняли, но ужас и жажда мести

вечным клеймом легли на ваш пробуждающийся ум
И запало в ваши сердца страшное семя вашей будущей
отрешенности.

Я знаю: когда в пеленках вы сжимали в кулачки свои
лилейные пальчики,
На них пролилась кровь ваших матерей;
Вместо поцелуев и ласк, вместо колыбельной песни
Брызги крови упали вам на глаза и на губы...

Ах, эти сводящие с ума дни ужасов, да когда же вы
умрете под дверьми моей памяти, да когда же вы
умрете?!

Вы — невинные ангелочки, родившиеся в аду,
Вы целыми днями заходились плачем на потеху чужой
злобе,
И никто этих слез не отер. Целовавшие вас уста
мертвели, не успев доцеловать,
И вокруг вас плясала безмозглая злоба падших людейживотных.

Нет, вы не поняли почему,
Почему вместо улыбки даны вам слезы и тоска по
непознанной любви,
Почему умолкли птицы и всё ближе, ближе шакалий вой,
Почему светлая резвая пена вдруг ушла из ручьев,
Почему родившие вас пали от меча перед вашими
колыбелями,
Почему на соседнем кладбище встала стена из тел
убитых и умирающих,
Почему деревни труда и мира сгорели дотла со своими
плугами и косами.

Дни миновали, смерть притомилась, и лживые руки
с Запада

Протянули вам корку хлеба и книгу жестокого бога
И бросили в ваши детские души семена бессовестной
лжи.

Вам рассказали о боге, от имени его указали дверь,
уверили, что за нею спасение.

Вам, голым, слабеньким и тощим, кинули лохмотья
милостыни

И расставили тайные сети на лебяжью чистоту ваших
душ.

Нет, не мечом замахнулись на вас, а крестом, липким
от тайной корысти,

Лживые объятья и кошельки открывались лишь для
обнищавших духом,

Доброта этих рук была ложь, обещанья пахли смертью,
из глаз сочилось лицемерье,

В кадилах курился не ладан, а струпья, снятые с вас,
Чаши причастия ваших же слез были полны, а хлеб, что
вам кидали,

Был наградой за согласие ходить с протянутой рукой.

Эти люди исказили слово Христа, благословили вас
на рабство

И на ваших хрупких жизнях поставили цоколи бирж.

Ужас у вас за плечами! Вы родились в золе и первые
шаги делали среди руин,

Но сегодня, известно ли вам сегодня, почему наша
кровь морями,

Наша кровь веками, кровь рабов и героев лилась на
долины, где вы родились?

Потому что народ не хотел раствориться бесследно,
Потому что парод хотел разбить оковы, отереть слезы,
хотел говорить во весь громовой свой голос,
Хотел крепнуть, хотел созидать, хотел возродиться
во славе,

Ибо и он прародитель наук и искусств,
глубины чувств и высокой мудрости,
Ибо и он гордился прошлым путем, прошлой силой и
прошлым геройством,
Ибо и он был одним из лучших певцов в пору древних
бурь человечества,
Ибо и он побеждал, и он возводил города мечты,
И он был светочем, сеятелем, слугою мысли, царем
и богатырем.

И вот он хотел красоваться, хотел воплощаться в цепи
поколений, хотел силой взять право жить,
право жить, право жить! ..

Не влагайте ваших рук в чужие, возьмите в них оружие.

Помните: проповеди — это ложь, себялюбие и
предательство, которыми забрасывают
наши руины и лужи крови.

Мы с вами, о сироты, пришедшие в мир из мертвого
чрева!

Наши души мятежны из любви к вам, из любви к вам
поднят наш меч.

Наш меч — правый меч, меч жизни, ибо наша воля

замешена на крови и жажде мести,
Наш меч — меч жизни, ибо он воскресит жизнь, дабы
воздвигнут был престол мысли,
Наш меч — меч жизни, меч солнца свободы, меч битвы
Во имя жизни, во имя надежды, во имя плодоносящей
земли, во имя Матери-Армении.

ВЕЧЕР ПОКОЯ

Княгини русые порфиновых дворцов,
Нарядные, в своих накидках длинных,
Апрельским полднем,
Неся цветы в серебряных корзинках,
Пришли к несчастным беднякам деревни.
И около больных, у их постелей,
Глаз не смыкал я ночью бесконечной;
И всех слепцов, бродивших лесом в страхе,
В тот вечер
Вел я к мраморному храму.
Вот каторжник идет безлюдным садом,
Идет, гремит цепями под луною,
Мечтая сладко о прозрачных водах,
О зелени некошенных лугов,
О матери, которая готовит
цветы к его приходу и светильник...
Гробы на берегу какой-то речки
Прибиты вечным молотом Безумия.
Мне кажется: все сестры милосердия
Шьют саваны

Дождливым долгим вечером
Под тем шатром, где раненые спят,
Теснятся, как печальные ягнята,
Которых вот сейчас пошлют на бойню,
Их стон похож на стон прекрасных, светлоликих,
безвинно истязаемых детей...
Готовятся друзья мои украсить
Мою могилу ядовитыми цветами...
Однажды, в бурю, жал врагу я руку
и целовал чахоточную деву..
.. .Но я гашу лампаду,
И на окнах
Все ставни я поспешно закрываю —
От карканья ворон
В глубокой тьме.
Давай с тобою поплывем рекой кровавой,
И до зари по ней грести мы будем
Куда глаза глядят — пока не приплывем
Туда, где ты и я найдем Покой, — и все мы...

МОЛИТВА

Покинули лебеди этим вечером отравленные озера...
И под стенами тюрем печальные сестры своих
дожидаются братьев...
На полях расцвели уже лилии, и закончились войны,
И в землянках красавицы бодрствуют возле гробов,
И поют они, головы низко склоняя:
«О, спешите, больные тела наши окоченели

в безжалостной темени,
Приходите в часовню, где жизнь будет к нам
милосердней,
К той часовне кладбищенской, где погибшие братья
покоятся...»
Сирий лебедь в душе моей мечется, горько страдая,
И на вновь погребенных из глаз моих
Дождь упадает кровавый.
По дорогам души моей толпы калек волочатся,
И слепцы босоногие с ними — в блаженной надежде
Вдруг услышать в сочувственном сердце такую ж
молитву...
Воют красные псы среди пустыни всю ночь,
до рассвета —
После лая в песках
От неведомой боли, что нам недоступна...
Вот и дум моих буря с дождем прекратилась;
Под холодными льдами безжалостно скованы волны;
На огромных дубах листья, раненым птицам подобны,
Осыпаются — и умирающих слышатся стоны...
Бесконечно пустеет кромешная ночь,
И с восходом луны — одинокой, кровавой, —
Будто тысячи мраморных статуй недвижимых,
Мертвецы всей земли нашей встали —
творить друг за друга молитву...

1903

МОЯ ДУША

Души моей факелы, думы мои озаряя,
То засверкают, то вновь погружаются в темень...
Эта душа боль любого из вас испытала стократно;
В бездне она на коленях стояла — на собственном пепле^
Плача над судьбами ссыльных сестер, что закованы
в цепи.
Эта душа — словно поле под светом луны кроважадной,
Где и не счесть всех зарезанных, всех неповинных...
Эта душа — как страна, где мечами неправыми гонят
Сирых, измученных мальчиков черноволосых,
С горестным криком бегущих по злым пепелищам...
Эта душа — небосвод, что роняет пригоршнями звезды
надежды,
Мраморный храм, где поставлена жизнь на колени
И лишь о смерти мечтает она милосердной.
Эта душа — как Евангелие, на котором
слабые руки лежат обреченно,
Ждут отпущенья грехов, восковые страницы напрасно
листая...
Кровью порою сочатся в душе моей зори,
Хор умоляющих стонов смогу ль передать я словами?
Есть в ней страна всех мечами зарубленных, ждущих
Помощи вашей и голоса вашего, Люди!
В ней — и рожденье героев, и шествие павших безвинно;
Ныне душа моя — дождь над телами убитых,
Взгляд, что в гробы проникает ко всем позабытым,
безродным.

Эта душа — ураган возмущенья и гнева,
Перед которым кровавые полчища пьются в страхе,
Яростно кладбища вывернуть недра готовы —
Чтобы весь ужас пред вашими вырос глазами;
Чтоб, равнодушные, вы наконец увидели
Гордых страдальцев, что, жизни для вас не жалея,
Самоотверженно и добровольно погибли...
Смертоподобная осень — душа моя — стелет туманы
И листопад свой, который агонией дышит.
Но ведь она же — и Красный Отчаянный дух,
ради светлой Надежды готовый
Словно апостол погибнуть, грядущие видя плоды...

1904

НОЧЬ ПОГРОМА

Все, кто ранен и гибели жаждет,
Над пеплом заката склонившись в отчаянии,
Плачут, страхом охвачены, новые беды предчувствуя.. •
И безутешные матери, болью пронизаны
За молодых сыновей — величавых, могучих, —
Бьются в безумье о крышки гробов головами,
Зная: потеря безвременна, необратима...
Тьма и могила, всё это страшнее могилы —
Пепел, и слезы, и кровь в обессиленных душах!
В ужасе город, огни его — очи слепого,
Страх темноты заползает в жилища и души...

Плачут старухи,
Жестокость судьбы проклиная,
В саваны мертвых героев тела облачают,
Слышатся издали крики, что сердце терзают:
«Братья, друзья, помогите, подайте нам руку,
Ибо опять этой ночью вражды и погромов
Трубы резни зазвучат над истерзанным городом!..»
И голоса задыхаются, плачут они, умирают...
Сироты, жить осужденные, бродят как смертные тени,
В спешке безумной ища матерей погребенных;
Колокола, возвещаая беду с высоты куполов
подожженных»
Над полумертвыми гул беспощадный разносят...
И, раздирая мне душу, невинные, светлые дети
Из колыбелей своих матерей меж далекими звездами
видят —
И забывают погром, что вокруг свирепеет...
В снах своих бродят другие простором Свободы,
Дарят друг другу улыбки средь Лилий Надежды...
Есть и такие, что, к скалам защитным прижавшись,
Ждут у божественных вод, что взойдет животворное
Солнце...
Кто-то проходит, неся благоденствия светлую лиру,
Волосы, грудь украшает живыми цветами,
Жизни красу, красоту бытия воспевая...
Руки Спасения кто-то в забвенье целует,
Многие слушают голос ветров в зашумевших деревьях —
Может быть, ветры помогут им теплым дыханьем?

Только мечты умирают, становятся пеплом,
Полночь преступная вместе со смертью костлявой
с неба, кладбищенски черного, падают наземь —
Рыскать в развалинах города, в сердце моем одиноком...

1905

МИЛОСЕРДИЕ

От изголовья больных и покинутых, боже,
Ты злодеев своих отгони и карающий ужас меча;
Сумасшедшие воды твои пусть умерят немного свой бег,
Чтоб несчастные смертники в лодках изгнания—
Хоть тебя проклинаят они — умирали бы с миром...
О, несметно число обездоленных крыш,
Под которыми тянут к тебе благородные люди ладони.
Золотой ожидают библейской пшеницы
И святого, никак не идущего к ним милосердия...
Вот, взгляни, духи зла поджигают поля...
Вот горячая кровь обагрила снега Арарата...
Позолоченных адских серпов твоих на горизонте
Я сверкание вижу — идут погасить они жизни
ни в чем не повинных людей.. .
Между тем как все ангелы божьих эдемов
На прекрасные земли, что влагой и солнцем богаты,
Из амбаров, господней рукой осененных,
Взяв семян смертоносного красного яда,
Так жестоко, жестоко, жестоко! —
Высевают для всех нас грядущую гибель...

1903

ПОХОРОНЫ

Потеряв и надежду и кров, возвратился я в лес,
Чтоб покойному другу последний отдать поцелуй...
И со всеми оленями и лебедями, которым
Так понятна печаль и озер, и моей изнуренной души,
Зимней полночью доброго друга мы похоронили.
О, как тело его тяжелело на моих, так уставших
от жизни плечах!
И как Смерть далека от мальчишеских глаз, на него
устремленных с вопросом...
Вот божественно-чистые лебеди друга отпели,
Вместе с ланями в муках отрыл для него я могилу...
Все деревья, скорбя, в путь последний его провожали —
И дыхание смерти железное, чуждое им, доносилось...
И от всех городов — и далеких, и близких — неслись
погребальные звоны...
Так зловеще, и долго, и благочестиво
Раздавалось безлюдной и вдовой, бессолнечной
траурной ночью:
«Друг твой с ланями вместе, с трепещущими лебедями
И с ветвями высоких деревьев, с лесными ветрами
Над тобою склоняется благоговейно...»
Знайте: все города, и вблизи и вдали, выгорают.
Из-за злобы людской...
Наши лебеди, рыжие лани задохнулись от дыма
пожарищ...
Звоны древних церквей, их высокая слава — умолкли,
Но душа моя скорбная
В ранах от этих смертей, похорон, расставаний —

Словно вечная узница в ужасе наших лесов...

1903

ГОРСТЬ ПЕПЛА — РОДНОЙ ДОМ

Увы! Ты, как дворец, велик был и богат,
И с плоской высоты твоих беленых крыш,
Когда в сиянье звезд струится ночи тишь,
Внимал я, как внизу, шумя, бежит Евфрат...
Я плакал, плакал я, узнав, что ныне ты —
Развалина, лежат обломки лишь одни...
То был день ужаса, и крови, и резни...
А около тебя цвели в саду цветы.
Теперь спаленная, там комната была
Вся голубая. В ней я ползал на ковре.
Там детство проводил в веселье и в игре,
И за спиной росли два радостных крыла.
Увы, то зеркало разбито, чей кристалл,
Сиявший золотом, в своих лучах таил
Мои мечты, любовь, и чаянья, и пыл,
Где воля красная, где разум мой блистал.
Ах, умер ли родник, поющий во дворе?
Ах, ива сломлена ль и мой зеленый тут?
И под деревьями ужели не текут
Прозрачные струи, стекая по горе?
И клетку помню я, и куропатку в ней...
Напротив — роз кусты... Когда горел восток,
На утренней заре звенящий голосок
Дремоту с глаз сгонял мне песенкой своей.
О дом мой, верь! Едва засну я вечным сном,

Душа свободная к развалинам родным,
Как голубь, прилетит, чтоб волю дать своим
И песням, и слезам. О, верь, родимый дом!
Но кто, когда умру, кто принесет с собой
Святого пепла горсть от пепелищ твоих
И бросит на парчу покровов гробовых
И с ним смешает прах певца земли родной?
Горсть пепла, отчий дом! Горсть с пеплом
дорогим,
Горсть пепла из немой развалины твоей,
Из прошлых дней твоих, прах горя и скорбей
Горсть пепла, чтоб мое осыпать сердце им!..

ВИЖУ ЛИШЬ КРОВЬ...

Я пеплом забвенья укутал тебя,
Любовь, что ничтожна, и лжива, и себялюбива;
Лавровый венок я из русских сплести не хотел камышей;
И песню тебе не дарила моя
свободолюбивая лира...
Не пел о тебе я, небес безмятежная синь,
Не пел о тебе я, суть жизни и плод ее — Солнце,
Не пел о тебе я, отчизна жрецов и богов, мой Восток,
Истории памятник, мудрости глубь и алтарь
наслаждений...
Блестящие Запада я не воспел города, что рождали
бессмертных;
Языческих не воспеваю лесов и морей смертоносные
силы,
Утра розовый свет, всю прозрачность его, чистоту,

Золотистый закат, даль пустынь, ранний мрак —

нет, не пел я об этом!

В сновиденье однажды поэт мне явился — и так

он сказал:

«Боль твоя мне близка, ибо тоже прошел я по жизни...

Я, сынок, из садов своей лиры ронял лепестки —

И влюбленных сердца опьянял аромат их ночами,

Но увяли цветы, и угасла моя величавая осень...

В огневом, в золотистом бокале воспел я вино,

И тоска соловья по родной стороне в мое сердце запала,

Я курил фимиам у подножья могучих богов;

Чтоб забыть о страданиях, себя я окутывал пеплом...

Пел я тела красу, что пришло из могилы —

и в дар ей уйдет^

На коленях стоял, о любви умоляя и очи, и губы...

Пел о чистых слезах, что струились из душ и из глаз,

И однажды я умер, вам Леность оставив и Слабость.. .>

«Ты ушел, — я ответил, — но дни Героизма пришли,

Под ногами я вижу руины, из окон — несчетные трупы.. «

И сверкают мечи... Слабость — прочь! — ведь сверкают

мечи,

Только кровь, только кровь, только кровь —

перед взором поэта...»

МОИ СЛЕЗЫ

Я с грезой один меж родимых долин проводил свой

младенческий день.

Был легок мой шаг, как на горных лугах белошерстый

скачет олень.

Я, радостный, бегал, была моя грудь от лазурного неба
пьяна.

Глаза золотились, душа уповала, красою господней
полна.

Пришел и роскошный, дарующий блага румяного лета,
закат,

И мне, и земле за корзиной корзину дарил плодородный
наш сад.

И молча я срезал со стройного стана ветлы,
из прекрасных ветвей,
Одну — для свирели, для тайной свирели, для будущей
песни моей.

Я пел, и ручей, адаманта светлей, и знакомые птиц
голоса,

И ропот ручьев с прозрачной струей, и шумящие вечно
леса,

И утренний ветер, зефир легковейный, нежнее, чем ласка
сестры, —

Мне всё отвечало на лепет певучий, на звуки свирельной
игры.

Сегодня во сне я коснулся рукой сладкозвучной свирели
моей.

К губам трепетавшим прильнула она поцелуем
утраченных дней, —

Но память проснулась, прервалось дыхание, и, скрытая
Тьмою ночной,

Не песня лилась, а катилась слеза, а катилась слеза
за слезой.

РОДНОЙ ИСТОЧНИК

То было в дни моей зари, когда я жил с тобой,
О сладостный, прохладный ключ, источник мой родной!
И голос твой еще со мной, как прежде, говорит,
Усталый, безнадежный мозг еще тебя хранит.
Алмазный, чистый твой поток, поток обильных вод
В развалинах души моей и по сей день течет.
Со мной он память о былом оплакивать привык.
Тебя ль забыть мне, дальний мой, о братский мой родник!
Я помню, к тайне струй твоих, сверкающих светло,
Я — мальчик — приходил смочить счастливое чело.
И ты, о ласковая мысль о воле дорогой,
Мне услаждала жизнь и мир, витая надо мной.
Тогда еще о злой утес не поломал я крыл,
Тогда не раз глаза свои от радости закрыл.
Мечталось о победах мне, и счастлив был мой вздох.
Тебя я помню, о ручей, твой золотистый мох,
Что лентой по теченью шел журчанья твоего,
И брел младенческой стопой я по ковру его.
Я брел, мечтами опьянен, по мшистому пути,
Как те, которые хотят желанное найти...
Еще струишься ль ты, ручей, отрадно говоря,
Ты, чистый, как минувших дней весенняя заря?
Всё так же ль, как в былые дни, прозрачен ты, родник?
И песня ль всё звучит из волн иль мести грозный крик?
Не замутились ли в твоей прозрачной синеве
От крови, мною пролитой, невинных капли две?

Не стал ли горек вкус твоей сверкающей струи?
В потоках крови, в страшных днях все помыслы мои
Безумны стали... Навсегда... О, горе, горе!..

1905

ВЛАЖНЫ ЕЩЕ ДОНЫНЕ СТРУНЫ ЛИРЫ...

1

Ты, горестно-печальная сестра, ты, юноша, несчастьем
сокрушенный]

К устам поэта тихо вы прильните;

На сирых розах вашего чела

правдивые уста запечатлеют

Тоску и боль вдали бредущих братьев.. t

2

Во мраке лет живая ваша боль

уже моей кровавой стала болью,

И во вселенной всех моих терзаний

дождинками сверкают ваши слезы.

Рыданья ваши рвутся ветром смерти

в мой одинокий дом, срывая ставни;

Я пережил неодолимый ужас

в лесу, где видел кости ваших близких...

3

Мне варварами пролитая кровь всё видится кровавою
купелью, —

С друзьями по борьбе и по обету к ней столько раз я,
грустный, приходил.

Чтоб окунуть для страшного крещенья

И траурную лиру, и перо, и скорбную свирель, и меч

свой чистый.

Моя правдолюбивая душа от вашей боли гасла в красных
книгах...

Ах, сколько солнц сгорело, но влажны,

влажны еще доныне струны лиры...

Над пальцами моими сжальтесь, братья,

пусть льются слезы, пусть бушуют песни,

Ты призывай, труба моя, героев —

Хоть Правды час безжалостно далек,

но небо идеала — безгранично!

ЖАЖДА

1

Душа созерцает, как меркнет закат.

Склонилась она над далекой землею

страданий,

Над раной заката, над раной земли,

И чувствует: слезы в ней хлещут...

2

И звезды разбитых жизней,

Что схожи с тьмой разоренных очей,

В песках натруженных сердца

Вдруг оживут в этот вечер. ..

3

А призраки этой ночью

В согласие с душой и глазами моими

Восход ожидают — хотят жажду жизни они

утолить.

И, может быть, капелька света падет на них
сверху...

ИДЕЯ

Тебе мы дарим солнечный огонь.
Тебе мы дарим кровь своей весны;
Свои, как ладан, мы сжигаем кости;
И гнев, и боль, и слезы, и надежды
Морями разлились у ног твоих...
Идея! Богатырской, исполинской
Ты предстаешь пред нами, словно крылья
Тебе дарует вольная природа;
И каждый час несет тебе победу,
В бессмертие, как в мрамор, одевая...
Когда на диком скакуне своем
Ты от зенита грозно мчалась к цели,
На стражу став своих великих дум, —
Восстали жертвы наши из земли
И снова пред глазами у тебя
Свои ломали кости золотые,
И слышал я — они тебе сказали:
«Вперед, вперед, иди вперед, Идея;
Хоть, правда, и добилась ты победы —
Но поражение, как закон вселенский,
В жестокое сегодняшнее время
Армян, с бедою вместе, ожидает...

Тебя мы заклинаем, чтоб высоко
Ты заносила красный молот воли
И, лес блестящих молний высекая,
На Арарате, как на наковальне,
Для них, бойцов, что свой народ спасают,
Ты вновь мечи ковала золотые...
Еще к тебе, о чистая Идея,
Одно мы, жертвы, обращаем слово,
Мы те, кто ради знамени святого
Не пожалел своей горячей крови;
На лезвиях мечей навеки выбей
Такой призыв своей багровой воли?
«Когда восторжествует Справедливость,
В алмазный день, клинки вы превратите
В зеленые оливковые ветви...
Но молнией, но молнией разящей
Сверкать, сверкать им грозно, если только
Безвинно кровь армянская прольется,»

ВО ИМЯ НАДЕЖДЫ

1

Из долины суждений каких ты придешь
и когда засияешь, Надежда?
Когда? Чтоб я руки свои, что дрожат от тоски,
ожиданья,
Протянул бы к шафрановым зорям твоим, умоляя
о жизни,—

И чтоб первый свободный свой взгляд
смог открыть этим зорям навстречу.

2

Из какого моря, Надежда, прольешь ты глубокие волны
в мир наших душ

И как много, скажи, исчезнет морщин
с наших бледных и горестных щек? ..

и как много улыбок еще расцветет —
светлых, ангельских в наших глазах..,

И как много вздохов еще умрет,
сколько высохнет крови и слез!

8

Покрытая пеплом земля превратится в райский цветник,

И бесчисленные родники, чьи сливаются стоны

со стенаниями пастухов, — обратятся

в прекрасные песни;

И вместо дождей из родимых созвездий

голубой заструится эфир;

И ягнята родятся на берегу,

у ручья на зеленом лугу.

4

И красавица лучшая перед тобой

рассыплет свой ладан, свои цветы,

И разрушим мы храмы лжи для того,

чтоб воздвигнуть, Надежда, твой светлый храм;

А лишенный улыбок скорбящий народ

наконец-то наденет зеленый наряд — и оденется

в черное злобный враг;

И под нашей стопой могилы в лесах медленно пропадут.

5

На лоб свой мечтательный я сплету

из летних листьев венки,

И радужная рубаха моя с ветрами начнет на моих плечах
плескаться, словно орел...

И, прижимая свирель к губам и лиру держа в руках,

Из чаши стану пить золотой вино богов — да, вино, вино,
вино богов буду пить...

6

А затем по-язычески я зажгу Факел Счастья, Факел

Надежд;

И во имя их славы симфония гроз прокатится по лесам;

И, сломав о колена свои мечи, мы их в прошлое
зашвырнем,

И Армянского воина медная лопнет труба

от раскатного марша Победы»

ПЕСНЯ РЫЦАРЯ

1

Солнце всходит, мой конь, наступил отправления час;

Ты постой, вот сейчас я в лучистое стремя вступлю;

В твоих мудрых глазах — отражение Цели моей,

Как ликует душа! Осени тебя счастье, скакун!

2

Еще легок, и гибок, и строен мой стан молодой,

И отважным орлом я сегодня взлетаю в седло...

А ямень золотой — для тебя я его не жалел —

Полнит силой шальное упругое тело твое.

3

Только рысью ты должен стремиться вперед, мой скакун.

Из-под медных подков будут искры вставать, как цветы,

Пусть нас бег опьяняет, пусть в сердце геройство живет,

Будем ветер мы пить, быть как ветер крылатыми нам!

4

Полетишь — и преграды расступятся перед тобой,

Под копытом твоим будут грешные стыть города,

И вороны, чернея, испуганы скачкой твоей,

В облаках, в облаках будут места искать для себя.

5

Бросим грустную землю, помчимся меж звезд, высоко;

Нипочем тебе пропасти, груды камней нипочем,

Нет преград, нет препятствий, что могут тебя задержать,

В нетерпенье готов ты далеких достигнуть вершин...

в

Быстроногий мой конь, беломраморный гордый кумир,

Ты же знаешь, что я всей душой обожаю тебя,

Огневая идея мое озаряет чело,

Так неси меня к цели — я раб твоих звонких шагов!

7

Раб шагов твоих я, о дитя несмолкающих бурь;

Быстрокрылый и мстительный, должен ты мчаться

вперед,

Гневно я ненавижу тоску передышек пустых;

Нам — вершины, тебе — долгожданный победный

венец.,.,

8

Конь мой беломолочный, кипит твоей жизни огонь,
Водопадом сверкающим твой низвергается хвост,
Две зажженных звезды — два блестящие глаза твои,
А подков твоих грохот до ужаса страшен врагу!

9

Ты же знаешь — я раб твой, что жаждой свободы томим.
Так от этой границы на юг меня мчи, как мечта.
Арапат с его славой оставь позади, Арагац,—
Мы оденемся, конь мой, и в солнце и в кровь, ты скачи!

10

Я хлыста не держу, и всегда ты свободен, скакун,
Словно белую лилию, грудь я ласкаю твою,
Я несу тебе нежность в ладонях, я сладость ее
По сияющей шерсти твоей разливаю, как мед.
Нет узды на тебе, не мешают тебе удила;
Прядь довольно из гривы всего-то одну ухватить;
Для чего стремяна, что напрасно стесняют коня?
На тебе лишь седло — как блестит в жемчугах серебро!

12

Я тоскую, тоскую по милым долинам своим,
Но под светом созвездий, скакун мой, не сдерживай шаг,
По пещерам, ущельям ты тенью мелькай на ходу —
Между темных лесов, виноградных давилен, садов..,

13

И кто знает, у рощи, быть может, красавица мне
Поднесет виноград и вина золотого глоток,

И поймет мою душу и мне улыбнется сестра, —
Нет, мечтать не хочу, остановок не знай, мой скакун!

14

Ты по райским местам моей родины должен лететь:
Чтобы снова услышал я песнь соловья, соловья.,,
Тосковал я, скиталец, годами по запахам роз...
Ах, тоскую, тоскую.,, Не знай остановок, скакун!

15

Вдоль дорог наших, может, вставать и вставать
мертвецам..
В белых саванах, будут тянуть они руки ко мне...
Подойдут они, может, и на ухо будут шептать
О любви, об отмщенье — не знай остановок, скакун!
Я пугаюсь руин и беспомощных в горе людей,
Так не стой, мой скакун, у седых пепелищ городов...
Слезы, ближнего слезы безжалостно душат меня,
Боль и слезы чужие свести меня могут с ума!

17

Ты не стой возле мертвых, их столько сегодня кругом!
Прочь от кладбищ беги и от белых печальных могил —
Потому что, скажу тебе правду, мой конь, не могу
Видеть родины гибель в бесчисленных этих смертях.

18

Как прекрасна земля, на которой рожден я и рос, —
На ресницы мои набегают неволью слеза,
Но ронять я ее не хочу — так лети же, мой конь,
Торопись, быстрокрылый: моя не для слабого цель!

19

Вот Евфрат зашумел! Что так грозно грохочешь, Евфрат?

Я, дитя твое, здесь, почему ж твои воды темны?

Иль забыл ты — я сын твой? Узнай же меня, не шуми,

Вместе нам рокотать, только волны свои успокой...

20

И сейчас память детства в душе моей кровоточит:

Вновь, мечтательный юноша, я у твоих берегов —

Опьянен этим солнцем, исполнен прекрасных надежд...

Но о чем это я? Ты не стой, мой стремительный конь!

21

Глянь на пышную осень, что гаснет печально вокруг;

Вот желтеющий лист на мое опустил чело:

То ль предвестье кончины, то ль веры достойный венец?

Но не всё ли равно? Мчись с Евфратом наперегонки.

22

Иль ужасной судьбы опустил последний листок?

Но не всё ли равно? Так не знай остановок, мой конь!

Слышишь, люди повсюду мои повторяют слова:

«Мчись свободно, Идея, в пути остановок не знай!»

23

Я люблю тебя, конь, ты и вправду несешься звездой,

Ты как молния быстр и свободен, подобно звезде...

Вместе с ветром парим мы с тобою смелее орлов,

Я — твой рыцарь и раб, ты возвысь меня, к цели

приблизь...

24

С этих грозных заоблачных, с каменных этих вершин

Ты взгляни — водопады блестящие рушатся вниз;

Белопенные струи я с телом твоим бы сравнил,
С диким бегом твоим — этот бег величавой воды...

25

Что же тело твое под моею трепещет рукой?
Что случилось, скажи, отчего, богатырь, помрачнел?
Посмотри на меня и волнение свое погаси —
Лишь штурмуй горизонты, тебя умоляю, скакун!

26

До меня долетают рыдания, стоны, мольбы —
От разрушенных хижин, от черных руин городов,
Но что пользы бессильно стоять перед горем людским?
Как избежать его? Ты не знай остановок, мой конь!

27

Мы с тобою сквозь ужасы мчимся — без слез на глазах,
Сил, мой конь, набирайся, не знай остановок, не знай!
Буду Факел Надежды я жечь и держать высоко,
Передышка — смертельна, не знай остановок, не знай!

28

Я услышал, держась на стремительном крупе твоём,
Как подковы твои, рассыпавшие искры во мгле,
Столько раз, столько раз по людским прохрустели
костям,
И зияли глазницы, — ты видел, скакун, черепа?

29

Я-то слышал, как кости хрустят под копытом твоим,
Но молчал. Я безгласен. Не знай остановок, мой конь!
Я в душе своей плач, словно в бездне глухой, схоронил,
Пусть живет только гнев, ты не знай остановок, не знай.

30

Белый мраморный варвар, лети и сомнений не знай,
Ты же ведаешь сам: горе жизни слезой не избыть...
Должен в колокол гнева без устали бить идеал,
Звать должны журавли нас, — следи за их криком,
следи!

31

Но куда же ты скачешь? Иль сбился с пути, мой скакун?
Видишь, в пепле поля и сплошные руины вокруг?
Как туман, мне стесняет дыхание серая тень,
Горы ужаса перемахни побыстрее, мой конь»

32

Я глаза твои, конь мой, ладонью прикрою сейчас,
Лишь не стой — тут ведь кровь, Краснота, Краснота,
Краснота..,
Свой платок головной я на веки, страшась, опустил, — .
Ты не стой, что за польза, ответь, безнадежно стенать?

33

Кровью лира моя истекала когда-то, скорбя,
Но отныне я плач ненавижу, мой Дух — это ты!
Ты мятежен и славен, я князь твой сегодня и раб,
Эти формы твои обожали Эллады мужи...

34

Ветра вой вдалеке мне звучит боевою трубой;
Как отряды бойцов, встали на ноги наши леса.
Пробуждает твой топот величие старых надежд...
Гибнет давний закон, давним время почтить голосам..,

35

Плоскогорьем широким мы будем скакать на заре —
И мятежников новых увидим, героев, бойцов,
Сыновей наших мук, кровь впитавших с веками вражды,
С этим гневом они, с этой кровью хотят умереть!

36

И когда мы увидим восставших с оружием в руках,
Мы одною дорогой должны с ними к цели пойти...
Буду петь о победе и славить отважных бойцов,
Зазвучит моя лира, мои запыхают костры!

37

О, заря расцвела, я — твой рыцарь сегодня и раб;
Твой нелегкий подъем, но дыханье подобно ветрам.
Ну, усилие еще, вместе с утренним светом лети...
Остановок не знай, пусть нас жажда победы ведет!

38

Ну, последний скачок, ну, один еще шаг, я твой раб!
Видишь, сколько людей, — в них счастливейших сил
торжество!
Знаменосцы свободы с мечами, несущими жизнь,
Славят дружбу и братство в лучах восходящей зари.

39

Вот теперь — остановка! Будь счастлив, божественный
конь!
Идеал свой узрел я, душа тяжелеет от слез...
Лишь победа — великий, бесценный закон красоты;
Шесть веков там воистину встали, оружие подняв!

40

Снаряжаю тебя. Я с оружием, мой факел зажжен.

Мчать как буря хочу. И земля справедливости груз

Под лучами зари, обнаженная, жаждет нести...

Пусть же искры Надежды рассыплются из-под копыт!

ИЗ ЦИКЛА «ЗОВ РОДИНЫ»

1

ЧАЯНИЯ НЕВЕСТКИ

Годами одна у окошка сажу я,
Смотрю на дорогу твою, мой далекий.
А в этом письме — тихий трепет души,
И тела, и дум, — мой и больше ничей он.
Не помнишь ты солнце в день нашей разлуки?
Оно было щедрым, как слезы мои,
И было горячим, как мой поцелуй,
И добрым, родной, как твои обещанья,
И быстрым, родной, как твое возвращенье.
Молитву мою ты не помнишь, не помнишь?
Кувшин синеокой воды — ты не помнишь? —
Пролила на тень я коня твоего.
Чтоб даже моря пред тобой расступались
И суша легко под ногами цвела...
Ах, солнце разлуки давно закатилось
И черною ночью сменилось, родной...
Я плакала, сшиблена лавою лет,
И слезы катились на щеки, как звезды,
И розы сжигали, сжигали, родной...
Я жажду тебя — ну хоть волосы рви.
Еще так хмельна от вина твоего я

И траурна — нету и нету тебя...
И памяти вслед я вздыхаю, как ветер.
И возле церковных дверей на колени
Встаю, обративши на запад глаза.
И раню колени, и тихо молю...
Пусть высохнут сразу моря-океаны
И хоть на мгновение два мира сомкнутся.
А после — не нужно ни царства, ни солнца!..
К родному порогу вернись, мой далекий!
Рука моя долго пуста без твоей.
Я в черном — я жду твоего возвращенья.
Вернись! Словно плод, переспела любовь,
Хранит поцелуй для тебя она сладкий.
А чресла мои материнства не знают.
Я свадебной, золотом тканной фатой
Украсить еще колыбель не сумела,
Не пела над люлькой — не пела, не пела
Небесную песнь матерей я армянских.
Вернись! Нету сил у тоски у моей.
И черная ночь расстилает свой саван.
И совы, родной, во дворе причитают.
И горькие слезы мешаются с кровью.
Невестке покинутой невоготу.
Руками своими уже начинаю
На голову сыпать холодную землю —
Холодную землю могилы моей...

2 СОН МАТЕРИ

Вот что во сне я сегодня увидела — в полночь

поминовенья усопших...

Братья твои — вчетвером — вдруг предо мной на колени
упали...

Странно бесплотны, без саванов были они...

Безднам глаза их подобны, тела трепетали, —

К матери дети пришли горькую память оплакать.

«Мамочка, мамочка! Дней отошедших заря!

Снова сегодня мы четверо, встав из могилы,

В бурю пришли постучать в твои двери...

Ты не пугайся, ведь мы не чужие, и в сне одиноком
твоём

Нам разреши хоть сегодняшним вечером в очи твои
посмотреть».

«Мамочка, мамочка! Дней отошедших чудесная
святость! ..

Я под землей деревенского жалкого нашего кладбища

Вырастил в сердце цветок для тебя — в знак любви...»

«Мамочка, мамочка! Дней отошедших чудесная сладость!

Я для тебя два кувшина своими наполнил слезами...»

«Мамочка, мамочка! Дней отошедших чудесное счастье!

Я для тебя из души своей вынес горячие розы
надежды...»

«Мамочка, мамочка! Дней отошедших чудесная доблесть!

Сплел два щита я из ребер своих — для защиты...»

«Мамочка, мамочка! Дней отошедших нетленная
прелесть!

Видю, лицо твоё, мама, в глубоких морщинах, — так
старший промолвил, —

Как ты страдаешь под этою крышей —
одна-одинешенька!

Семь уже лет ежегодно — семь раз — в твою дверь мы
стучали,
Но лишь сегодняшней ночью она оказалась открытой —
может быть, путника ты ожидала?

Видишь, лачуга твоя, словно груда гробов в ураган,
задрожала..
Листья с деревьев буря осыпает на землю,
Гибнут безвинные голуби в речке холодной,
Змеи засохшую кровь нашу лижут еще на пороге...
Нету в саду твоём зелени, хвороста, яблок...
Снова мы дом обошли вчетвером —
Наши мечи, нас завидев, опять засверкали...
Погреб был пуст... В нашем хлеве
Белый ягненок заблеял, от голода грыз он копытца...»
«Мамочка, мамочка! Дней изобилие минувших,
Как ты живешь, как живешь в опустевшей лачуге?»
«Мамочка, мамочка! Дней милосердье минувших,
Как ты живешь, как живешь в опустевшей лачуге?»
Дети умолкли... А я назвала твое имя —
И в сновиденье рыданье мое прошумело, как ливень, —
Головы дети склонили и начали плакать...
«Но ведь ваш брат еще жив... Вашей не видевший
смерти,
Младший ваш брат еще жив — и для него лишь
живу я...» — • Эти услышав слова, четверо братьев погибших,
Черные слезы роняя, воскликнули разом:

«Брата имеем мы, брата имеем — живого!

Мамочка, мамочка! Новых надежд, новых дней наших

горечь|

Как нам на землю вернуться теперь, как вернуться?»

3 ЛЮБОВЬ

В чьих объятиях нежных я пролью свои слезы?

Чьей душе я доверю тайный трепет сердечный?

Только ночь созерцает рыдания мои,

Когда взором безумным я ищу среди звезд,

Средь бесчисленных звезд незнакомую,

Вместе с моею рожденную,

Для меня рожденную его звезду.

Мир жесток к моим веснам,

На костре несправедливых законов он жжет

Целомудренную лилию стана моего.

Я улыбалась только надежде, только ему, неведомому,

Кому назначено прийти на пир моего тела.

Но ни одна рука не подарила мне розу любви,

Священную розу, сорванную на заре,

Чтобы она увяла на моей груди,

Когда я усну, утомленная ласками...

Ни единого поцелуя не знала я,

Не пьянела я от них, не открыла за них

Путь в алтарь благоуханный красоты моей...

Ничья улыбка, ничей взор, ничье страстное слово

Не пронзили еще чистое сердце мое.

Я своей тайны не знаю, я пою молчаливо,

Я трепещу немо, но всё это звездам, но всё, как соловей.

И вот я смотрю на небо, и вот я считаю звезды,
И, когда в синеве безбрежной над моею головой
Одна из звезд угасает, одна из роз увядает,
Я в страхе себя вопрошаю:
«Чья звезда осыпалась прахом сейчас?
Не его ли, не того ли, что моей любви назначен?»
И стекают мне волосы на плечи,
Упираю я локти в колени
И смыкаю ладони — как чашу,
Обращенную к звездам,
И роняю в эту чашу слезы, искорки любви...

4

МАТЬ — СЫНУ

Ты — первый плод моей любви чистейшей.
Тебя носила в чреве, как святыню...
И не моя ли суть началом стала
твоей, мой сын, скитальческой судьбины?
Жемчужным молоком тебя вскормила,
Ты стал отважен, крепок, строен станом...
Жизнь обратила в сад я плодородный,
Где мог, сынок, ты вырастать безвинно...
Своей слезой тебя я орошала, была моя улыбка
словно солнце,
А поцелуи — как благословенье, уста — подобны
лилиям озерным,
Как ветерок — напев мой колыбельный...
Я всё тебе дарила без остатка.
Над люлькой твоей, луне подобна, бессонной я стояла

и красивой,
И духов злых ночами отгоняла от розового сада
сновидений
Наивными молитвами своими.
Опьянена твоей весною первой,
Ведь это я, на нашей крыше стоя,
Твой первый взгляд, мой сын, открыла солнцу.
Под огненным потоком мироздания
Я первую твою, сынок, улыбку
В восторге увидала — вместе с Богом...
Отъезд твой помню осенью дождливой —
Листва слетала, и катились слезы...
Дни траурной проходят вереницей —
А слезы льются, листья умирают...
Страшусь воспоминаний... Снова вижу
Людей печальных, в черное одетых, —
Они отца умершего выносят,
И не могу на эту дверь смотреть я...
А в волосах моих — всё больше пепла,
И ты с тех пор скитаешься по свету, —
Я всё смотрю, смотрю — а ты неходишь...
Но с Богом я вступлю в противоборство — всей силой
воли, всем сердечным током —
Держась за жизнь, за солнце, за надежду...
И против смерти стану я сражаться всей неоглядной
силой материнской...
Я жить хочу, сынок, я жить мечтаю,
И я попасть на кладбище не вправе,

Пока в дверях тебя я не увижу...

МОЛЬБА АРМЯНСКИХ ПОЛЕЙ

От араратских теснин и до евфратской низины
Мы шлем вам приговор, мы шлем свою мольбу
Вам, предавшие нас, вам, струсившие, вам, отвернувшие
лицо!
Гонимые и ссыльные, изгнанники и скитальцы,
Где же вы, где же ваши руки пахарей наших пластов?
Где же вы, чистые прямые лбы,
С которых пот мощи и величия
Сеялся в иные дни жемчугом в наши корявые борозды?
Где вы, руки благословенные, где вы, руки прежних дней,
Руки чистые, руки щедрые,
Руки добрые, плодovитые, руки сильные, величавые?
Святое зерно пшеницы
Золотом, золотом сыпалось в нас из ладоней...
Звучала песня о плуге... и брели тяжелые волю...
И лемех, как гром небесный, вспарывал наши недра,
И от края до края распахивалась наша плоть
под горделивое мычанье,
И струились певучие дожди, и на нас проливалось солнце
По великому закону естества, чтобы дать жизнь
убаюканному нами зерну..,
А когда наступало лето и когда завершалась осень,
Из городов и деревень вы с серпами и косами
Тысячами приходили к нам, чтобы в дар Человечеству
Снять с армянских полей спелый колос общего хлеба.

Сколько весен вас ожидало, сколько осеней вас просило!

Наш простор беспредельный бесплоден, а вас всё нет

и нет.

Сжальтесь над родными, преданными вам полями,

Сжальтесь над вдовами, над тощими розами сирот!

Они по утрам без надежды, а по вечерам со скорбью

Бьют себя в грудь, прося у наших отвердевших недр

Горсть урожая, малую пригоршню пшеницы

Перед тем, как уйти навсегда от нас, проклиная

И жизни закон, и природу, и недостижимость добрых

плодов.

О недостойные наследники сотен поколений!

С чужих дорог, от чужих заблуждений вернитесь к нам.

Обманутые надеждами, гонимые бедами, побеждающие

зло,

Соединитесь, труженики, идите к нашему милосердию!

Наши горы и доли берегут для вас добро,

Под ними лежит металл, чудесный металл для вас,

Истинное злато Надежды, истинный хмель Мечты

почерпнете вы только здесь.

Мы одеваем победами и берем на себя поражения.

Возвращайтесь, сыновья, обновите ржавые плуги!

Пусть как встарь расцветает этот древний край,

Пусть как море волнуется для вас поднятая нами жатва,

Пусть копны и скирды стоят под луной выше холма

земного,

Пусть пастух на пастбище свирелью предков

Чарует покорные стада,

Пусть мельница мирно рокошет в ущелье,
Пусть вернется к нам изобилье,
Пусть свет придет в помутневшие очи отчаявшихся
наших детей!
Только наш закон, только наше таинство, только
наш пласт
Принесут вам добро и дадут исцеленье от зла.
Святая ветвь Оливкового древа, возвращенного нами,
Осенит сбереженный вам Меч, сохранит возвращенный
вам Хлеб.

1909—1910